
ВЫДЕЛЕНИЕ РАЗНЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА ГИМНА ВА(Х)АГНУ

Вяч. Вс. ИВАНОВ (Москва)

Одной из наиболее неотложных целей армянского языкознания представляется установление относительной и (в той мере, в какой это позволяет соотнесение с другими более древними письменными традициями) абсолютной хронологии развития древнеармянского языка. Соответственно в наиболее ранних текстах, восходящих к дописьменному периоду, окажется возможным выделить некоторые хронологические слои, позволяющие за позднейшими напластованиями выявлять все более и более древние структуры вплоть до следов общендоевропейских.

Я исхожу из выделения в дописьменной истории армянского языка периодов, соответствующих интенсивному иранскому лексическому влиянию, более раннему воздействию северокавказского (включая хуррито-урартский, ок. II—I тыс. до н. э.) и хетто-лувийских индоевропейских диалектов и еще более древнему диалектному армяно-индо-ирано-греческому единству, следовавшему за вычленением этого единства из общендоевропейского. Детали этой хронологической схемы и ее следствий, изложенных автором в докладе в Институте востоковедения АН АрмССР в мае 1982 г., будут освещены в особой статье.

В настоящей работе намечаются лишь некоторые иллюстрации предлагаемого подхода к ранней древнеармянской традиции. В качестве предмета исследования выбрана «Песнь о Ва(х)агне». Соответственно в качестве лингвистических иллюстраций выбраны некоторые явления, существенные именно для диахронического подхода к этому тексту.

Ранняя предыстория дописьменного «протоармянского» языка начинается с обособления внутри общендоевропейского того диалекта, из которого развился затем армянский. Относительно собственно лингвистических аргументов, говорящих в пользу выделения индо-ирано-армяно-греческой диалектной области внутри общендоевропейского ареала, в настоящее время существует достаточное единодушие среди индоевропеистов. Протоармянский входил в аугментный ареал вместе с индоиранским, греческим и фригийским (на периферии этого ареала мог находиться протоалбанский и тохарский, более отдаленно с ним мог быть связан балтийский)¹. Языки этого ареала характеризовались тем, что в них глаголы, в анатолийском принадлежавшие к спряжению на -тп, относятся к числу длительных, присоединяющих первичные окончания настоящего времени непосредственно к глагольной основе, тогда как глаголы, в анатолийском принадлежащие к спряжению на ларингальный (*-Н-), относятся в этом ареале к числу «аористических». Кроме единой системы глагольных категорий и форм диалекты этого

---

¹ В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981 (в дальнейших ссылках сокращенно: Глагол).

арсала объединяются и многочисленными общими изоглоссами в системе имени².

Кажется вероятной гипотеза, согласно которой и текст песни о Ва(х)агне может быть возведен к эпохе более древней, чем те ранние (дописьменные) иранские и северокавказско-хуррито-урартские воздействия, следы которых можно обнаружить в лексике (возможно и в метрике) песни в том (позднейшем) виде, в котором она до нас дошла. Иначе говоря, можно предположить наличие первоначальной глубинной (в диахроническом смысле) структуры, отражающей принципы (если не общиндоевропейской³, то общиндо-иранско-армяно-греческой мифопоэтической традиции. Судя по многочисленным исследованиям последних двух десятилетий, эта традиция (иногда не вполне точно называемая «индоевропейским поэтическим языком» без достаточного учета того, что основная масса примеров, выявленных до настоящего времени, относится к индо-ирано-греческому, к которому в свете приводимых данных представляется возможным присоединить и дописьменный раннеармянский) характеризовалась наличием кеннингов⁴, звуковым обыгрыванием структуры некоторых ключевых слов (анаграммы)⁵ и наличием устойчивых метрических схем⁶. Эти особенности были связаны друг с другом, потому что составные части кеннинга—сложного образа, эвфемистически описывавшего предмет, объединялись друг с другом не только по значению, но и по звучанию (т. е. анаграмматиче-

² A. Erhart. *Indoeuropéiské jazyky. Srovnávací fonologie a morfológie*. Praha, 1982, s. 17–18 (§§ 1.3.2–1.3.3.2), 178 (§ 8.2.2.1), 181 (§ 8.2.5.2), 193 (§ 8.4.4).

³ R. Schmitt. *Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit*. Wiesbaden, 1967; *Indogermanische Dichtersprache*. Hrsg. von R. Schmitt. Darmstadt, 1968; W. Wüst. *Zum Problem einer indogermanischen Dichtersprache*.—In: *Studia A. Pagliaro oblata*. Vol. III. Roma, 1969, pp. 251–280; M. Durante. *Sulla preistoria della tradizione poetica greca. Parte seconda: Risultanze della comparazione indoeuropea (Incunabula graeca. Vol. 65)*. Roma, 1976; V. N. Toporov. *Die Ursprünge der indoeuropäischen Poetik*.—*Poetica*. 1981, Bd 13, H. 3–4, SS. 189–251.

⁴ K. Lazzarovi. *Реч. на кн.: R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache...*—In: *Studi e saggi linguistici*. VII. Supplemento alla rivista „L'Italia dialettale“. 1968, vol. 31, № 8; М. И. Стеблин-Каменский. *Историческая поэтика*. Л., 1978. Ср. о формальной структуре кеннингов: Ю. И. Манин. *Доказуемое и недоказуемое*. М., 1979, с. 62–63; Ю. И. Манин. *A course in mathematical logic (Graduate texts in mathematics. 53)*. New York, 1977, pp. 56–58.

⁵ Ф. де Соссюр. *Труды по языкознанию*. М., 1977, с. 635–649 (с подробной библиографией); R. Jakobson, L. Waugh. *The sound shape of language*. Bloomington—London, 1979, pp. 220–222 (раздел 2: „Saussure's *poétique phonisante* seen from today“); R. Jakobson. *Selected writings*. III. The Hague—Paris, 1981, pp. 138, 159, 321, 391, 442, 480, 534, 572, 581, 647, 684, 767.

⁶ A. Meillet. *Origines indo-européennes des mètres grecs*. III. Paris, 1923; R. Jakobson. *Selected writings*. IV. *Slavic epic studies*. The Hague—Paris, 1966; C. Watkins. *Indo-European metrics and archaic Irish verse*.—*Celtica*. 1953, vol. 6, pp. 194–249; T. Cole. *The Saturnian verse*.—In: *Studies in Latin poetry (Yale classical studies. Vol. 21)*. Cambridge, Mass., 1969, pp. 1–75; G. Nagy. *Comparative studies in Greek and Indian meter (Harvard Studies in comparative literature, founded by W. H. Schofield. 33)*. Cambridge, Mass., 1974; M. L. West. *Indo-European metre*.—*Glotta*. 1973, vol. 51, № 3–4, pp. 161–187; Вяч. Вс. Иванов. *Из семантических комментариев к клинописным хеттским текстам: I. К анализу метрических хеттских текстов в свете выводов сравнительной метрики*.—В кн.: *Philologia Orientalis*. IV. Тбилиси, 1976, с. 113–118.

ски): в то же время подобные спаянные и по звучанию, и по значению стандартные (клишированные) эпические формулы обычно подчинялись метрическим законам индоевропейской (или индо-ирано-армяно-греческой) поэзии и составляли минимальные ритмические единицы, из которых и монтировались строки и строфы⁷. Это позволяет предположить, что не только и не столько все перечисленные области изучения индоевропейского стиха порознь (именно и развивавшиеся до недавнего времени раздельно), но наука об индоевропейском поэтическом тексте как едином целом может оказаться предметом столь же точного исследования, какое раньше (в классическом сравнительно-историческом языкознании) было возможно только по отношению к минимальным текстам (словам) и их составным частям (морфам и фонемам). В поэтическом тексте звучание и значение связаны, что и позволяет применять сравнительно-исторический метод. Подобный подход связывает данное направление исследований и с лингвистикой текста.

Существенным представляется систематическое изучение всех свидетельств, говорящих в пользу отражения в древнеармянской традиции более ранней диалектной индоевропейской мифопоэтической традиции. Эти свидетельства могут быть двоякого рода. С одной стороны, это—отражение диалектных индоевропейских (в частности, индо-ирано-греческо-армянских) черт в структуре определенных ранних и наиболее архаичных текстов, таких, как гимн Ваагну. С другой же стороны, это—такие лексические элементы, которые по своей структуре являются инновациями, связанными с индо-ирано-греческо-армянским поэтическим языком.

В качестве примера последнего подхода рассмотрим диалектные индоевропейские обозначения 'бессмертия', 'бессмертных' (богов) и 'смерти', 'смертных' (людей). Чрезвычайно архаичный термин обнаруживается в тохар. В *op-(u)wapne* 'бессмертный' (<*n̥ + *dhw- из той же общиндоевропейской основы, что и гот. *diwans* 'смертный', др.-ирл. *duine* 'человек, смертный', др.-хет. *dandu-ki* 'смертный, человек' с редупликацией, как в др.-ирл. *tu-deda*, прош. вр. *con-ro-deda* 'исчезать', ср. греч. гом. *θνητός* 'смертный', *θάνατος* 'смерть' <*dhw̥n̥-to-, греч. гом. *ἀθάνατος* 'бессмертный', 'вечный', 'бог', отличающееся от тохарской формы только суффиксом, ср. косвенные следы древнего значения в др.-арм. *di* <*dhw̥i- 'труп', лат. *fupus* 'погребение' (значение 'умерщвлять, умирать' и производное от него 'мертвый' реконструировалось в качестве общей германо-балто-славянской се-

⁷ G. Nagy. Op. cit.; Вяч. Вс. Иванов. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов.—В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 69—80.

⁸ Характер индоевропейского привативного префикса в этой форме (при утверждении неясности ее этимологии) был установлен Н. Ван Брок: N. Van Brock. Le traitement des nasales voyelles en tokharien.—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1971, Bd 85, p. 283, n. 9. Об этимологии *op-uwapne* и фонетическом ее объяснении ср. Вяч. Вс. Иванов. Рец. на кн.: A. Van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. La phonétique et la vocabulaire.—В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, с. 170.

мантической особенности корня *dhew-⁹, ср. англ. to die 'умирать', dead 'мертвый', нем. Tod 'смерть', tot 'мертвый', рус. *давить*¹⁰ в том же значении, как в *волко-дав*, древность которого удостоверяется мэонийским—возможно, иллирийским—Καυ-δαν-λης и древнебалканскими и италийскими производными, давшими название волка¹¹; таким образом, это значение, во всяком случае по отношению к животному, оказывается общедревнеевропейским или западноиндоевропейским). Подобно тому, как в тох. В параллельно с древним *ñ-dhw-> >onuw(anne) 'бессмертный' используется в том же значении инновация *ñ-k(u)g->тох. В οηκροσσε, οηκρασ¹², в гомеровском греческом наряду с преобразованным архаизмом индоевропейской эпохи *ā-dhuk-*τος (им. п. мн. ч. *ādūktoi* в формулах типа В 813, где этот субстантивированный эпитет равнозначен θεοί) используется новообразование греческо-индо-иранского мифопоэтического языка, также являющееся привативной формой с суффиксом *-to- *ñ-mrto- 'бессмертный': др.-инд. amṛta, авест. aməša, греч. *ἀμβροτος*¹³ (I 368, Ω 460 θεός ἀμβροτος 'бог бессмертный', ср. вин. п. X 9 θεὸν ἀμβροτον). С самого начала исследований индо-ирано-греческого поэтического языка было установлено, что стандартные словосочетания с привативными эпитетами этого типа были его наиболее характерной особенностью; в частности, основным клише, оказавшимся и эпической метрической формулой, изучаемой на протяжении целого века, является др.-греч. κλέφος ἀφθίτου 'нетленная слава', тождественное др.-инд. вед. *śraṇā aksitam*¹⁴. Удалось показать и древность клише, последним или предпоследним метрическим элементом которых является др.-греч. *ἀμβροτος* и родственное ему авест. aməsa или его производное aməša-tāt 'жизнь'; эти клише

⁹ Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1972.

¹⁰ Общеславянская глагольная основа, ср. о соответствиях и типе баритонированной акцентной парадигмы: P. Gard e. Histoire de l'accentuation slave. T. I (Collection de manuels de l'Institut d'Etudes slaves. VII, 1). Paris, 1976, p. 160, § 227.

¹¹ Вяч. Вс. Иванов. Древнебалканский и общиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели.—В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели и структура балканского текста. М., 1977, с. 181—213.

¹² N. Van Bock. Op. cit., pp. 292—295, где предполагается значение 'не-стареющий, неослабевающий' (тох. kur- 'стареть, слабость', сопоставляемое с греч. γέρων 'старый', авест. *zaurvan* < *zarvan* 'старость', но ср. также хет. *kwer-* 'резать, уничтожать').

¹³ Детальный анализ формальной структуры и значений греческих и индоиранских слов этой группы (без привлечения армянского соответствия) дает P. Thieme. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse. Bd 98, H. 5). Berlin, 1952, SS. 15—34.

¹⁴ G. Nag y. Op. cit.

возводятся к общиндо-ирано-греческой пятисложной метрической формуле *n-mrta-xx¹⁵.

Др.-инд. вед. mrta- 'мертвый' (позднее 'смерть' в эпическом санскрите), mrta- 'смертный', авест. marəta 'смертный', mərəta- 'мертвый', др.-греч. гом. $\mu\epsilon\rho\tau\omicron\varsigma$ 'смертный' < *mr-to- (L 361, Ч 336, Г 248), др.-арм. mard 'человек' < *mr-to-¹⁶ являются элементами индо-ирано-греческо-армянского мифопоэтического языка, противопоставлявшимися в индо-ирано-греческом приведенному привативному образованию. Эта инновация, объединяющая древнеармянский с греческо-индо-иранским, очень важна для темы настоящей статьи, так как она доказывает наличие в древнеармянской лексике элементов индо-ирано-греческо-армянской поэтической традиции. Приведенные слова образованы от индоевропейского глагола со значением, близким с точки зрения семантической типологии к др.-ирл. gu-deda, con-ro-deda 'исчезать': др.-хет. 3 л. ед. ч. медиопас. merta 'исчез', мн. ч. merir 'исчезли', в 3 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. merzi в безличной конструкции с переходом в другой тип спряжения, ср. др.-инд. наст. вр. медиопас. marate 'умирает', mruate, аор. a-mrta, соответствующий балто-славянской циркумфлектированной парадигме в лит. mir̃ti, латыш. dnal. mir̃t при метатонии в лит. mir̃stu¹⁷, латыш. mir̃st, ср. отражение архаического типа спряжения, связанного с медиальной семантикой, в производных на *-dH- типа ст.-лит. merdmi 'начинаю умирать', латыш. merdēt 'морить голодной смертью'¹⁸ и на -i- типа лат. morio, др.-инд. mruate, ср. также семантическое сходство отглагольных основ на -и- типа др.-греч. $\mu\epsilon\tau\omicron\upsilon$ -, ст.-слав. mrtъvъ, рус. мертвый: лат. mortuos и др.-в.-нем. mord- 'убийство', внешне напоминающее эпич. санскр. mrta¹⁹. Общей для балто-славянского и иранского является figura etymologica: др.-перс. uvamr̃šiyus amariyata 'своей смертью умер' (о Камбизе в Бехистунской надписи), лит. jis mir̃ė savo mir̃tini 'он умер своей смертью', сербо-хорват. умерети својом смрти, рус. умереть своей смертью, польск. swą śmiercią umrzec'.

¹⁵ Вяч. Вс. Иванов. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов, с. 71—72.

¹⁶ Э. Г. Туманян. Структура индоевропейских имен в армянском языке. Опыт реконструкции. М., 1978, с. 154, 155, 335. Относительно развития *rt>rd в классическом армянском ср. W. Dressler. Рец. на: W. Winter. Traces of early dialectal diversity in Old Armenian.—Die Sprache. 1967, Bd XIII, H. 1, SS. 92—93.

¹⁷ В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента.—В кн.: Балто-славянские языковые контакты. М., 1980, с. 118 (с разрешением акцентологического парадокса, ср. С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола.—В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982, с. 272, 322, 323, 338).

¹⁸ Вяч. Вс. Иванов. Глагол, с. 174, 211 (о формах на -s).

¹⁹ Случайное совпадение позднейшего развития согласно E. Polomé. Remarques sur quelques isoglosses germano-indo-aryennes.—Folia linguistica historica. 1980, 1.1, p. 111.

чеш. *umřiti svou smrtí*²⁰; кажется вероятным, что этимологическая фигура индо-иранского поэтического языка оказала влияние на балто-славянскую обрядовую терминологию. Сложения типа рус. *бес-смертный* (нем. *un-sterb-lich*) являются поздними кальками. Но обозначение бессмертия посредством соединения элементов индо-ирано-греческого сложного слова, где первый элемент *п- 'не-, бе-' имеет привативное значение, находит параллель в древнесемитских языках, в частности ханаанейских (угарит. *bl-mt* 'бес-смертный'²¹); представляется вероятным (как и в других случаях, по отношению к индо-ирано-греческому указанным в ряде работ О. Семереньи²²) воздействие семитской модели на диалектную индоевропейскую.

К несколько более позднему времени, по-видимому уже связанному с выделением протоармянского из древнего диалектного индо-ирано-греческо-армянского ареала, относится его взаимодействие с хетто-лувийским. В этом плане оказывается возможным заново интерпретировать вывод Мейе о развитии н.-е. *dw->др.-арм. *erk-*, как в *erki* 'два'. Представляется, что с чисто фонетической точки зрения этот вывод (с модификацией, связанной с интерпретацией *dw-<*t'w-) в настоящее время можно подкрепить параллелью с лувийским, для ко-

²⁰ W. Schulze. Der Tod des Kambyses.—In: *idem*. Kleine Schriften. Göttingen, 1933; M. Niedermann. Litauische Miscellen.—In: *Balto-Slavica*, II (1956), S. 117; М. А. Дандамаев. Иран при Ахеменидах. М., 1963, с. 160 след. В. В. Иванов, В. П. Голотов. К реконструкции праславянского текста.—В кн.: V Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 143—147; J. Puhvel. The death of Cambyses: a reappraisal.—In: *Studia A. Pagliari oblata*. Vol. III, pp. 169—175'

²¹ Вяч. Вс. Иванов. Проблема семантических черт древнеближневосточных языков.—В кн.: Вопросы древневосточной культуры. Даугавпилс, 1982, с. 23.

²² Особый интерес представляет выведение индоиранского самоназвания агуа из западносемитского термина, представленного в ханаанейском (угарит. 'ary 'родственник'), см. O. Szemerényi. Studies in the kinship terminology of the IE languages (*Acta Iranica*. 16). Liège, 1978, p. 146; *idem*. Structuralism and substratum—Indo-Europeans and Semites in the Ancient Near East.—*Lingua*. 1964, 13, pp. 1—19; *idem*. Sprachtypologie, funktionelle Belastung und die Entwicklung indogermanischer Lautsysteme.—In: *Acta Iranica*. 12. Liège, 1977, SS. 339—393; *idem*. The origins of the Greek lexicon: Ex Oriente lux.—*Journal of Hellenic Studies*. 1974, vol. 94, pp. 114—157; *idem*. Рец. на: P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque.—*Гномон*. 1971, 43, pp. 641—675; 1977, 49, pp. 1—10; 1981, 53, pp. 113—116; *idem*. The origins of Roman drama and Greek tragedy.—*Hermes*. 1975, Bd 103, H. 3, SS. 300—332; ср. В. В. Иванов. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазиатского (анаго-ливийского) ареалов.—В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977. В свете всех обнаруженных к настоящему времени данных этого рода представляется совершенно несомненным, что не только общиндоевропейскую прародину, но и более позднюю территорию индо-ирано-армяно-греческой диалектной общности (после ее выделения из общиндоевропейской общности) следует локализовать в Передней Азии. Проблема контактов с семитами представляет несомненный интерес и для сопоставления таких особенностей индо-ирано-армяно-греческого поэтического языка, как анаграммы в пределах кеннингов, с *figura etymologica* раннесемитской поэтической традиции.

того весьма вероятны ареальные контакты с доисторическим армянским периода хуррито-армянского взаимодействия, поскольку население областей Малой Азии и Северной Сирии, прилегавших к древнему ареалу расселения протоармян, было смешанным хуррито-лувийским во всяком случае уже во второй половине II—первой половине I тыс. до н. э., а возможно и значительно ранее. В лувийском засвидетельствован глагол *kuwaya-* ‘бояться’ (>иерогл. лув. *hwa-s-* с поздней спирантизацией *k>h*), 2 л. ед. ч. повел. накл. *kuwaya* ‘бойся’ (KUB XXII 52 Vo 2), форма с глоссовым клином медиопассив. прич. *kuwaya(m)mi-* ‘вызывающий боязнь’ (хетто-лувийская активная субстантивированная форма с глоссовым клином *kuwayamm-ant-s* ‘страшный, опасный’, KBo IV 14 II 11 след.; хеттизованная форма с глоссовым клином *kuwayami meḥuni* ‘в опасный=страшный час’ в автобиографии Хаттусилиса III, I 51, KBo IV 14 II 38, 42); производное имя с суффиксом *-tá* *kuwayatá* ‘страх, боязнь’, от которого образуются хеттизованные формы с глоссовым клином (им. п. *kuwayatas* в сочетании с UGU BAL ‘восстание’, KUB XXII 52 Vo I; директив *kuwayataz* с послелогом *šer*, KUB XXVI 33 III, KBo IV 14 II 16; отлож. п. *kuwayataz*, KUB XXVI 32 I 11), отыменной глагол с глоссовым клином *kuwayatai-* (KBo IV 14 III 42 в безличной конструкции типа рус. *мне страшно*)²³. Несомненно, что лув. *kuwaya-* ‘бояться’ родственно др.-арм. *erkn-č’im* ‘доюсь’, греч. *ὄσ-δῖφοι-α*, авест. *duuaēda* ‘угроза’ (последнее слово может быть вплоть до суффиксов. т. е. целиком, тождественно лув. *kuwayatá* и в этом случае может быть добавлено к таким исключительным анатолийско-авестийским архаизмам, как хет. *wes-tara-* ‘пастух’: авест. *vas-tar-* ‘пастух’²⁴), тох. АВ *wi-* ‘бояться’, причем в лувийском развитие *kw-< *dw-* аналогично арм. *erki-* (через вероятную промежуточную стадию **erkw-< *dw-* (параллель с лувийским особенно разительна ввиду наличия в лувийских диалектах ротацизма *-d->-r-*; иероглифический лувийский при этом допускает и начальное *r-*). Та же фонетическая закономерность **dw->kw-* обнаруживается в позднелувийском диалекте античного времени—ликийском, где *kbi* ‘два’ соответствует архаическому милійскому (лик. В) *tbi* < общехет.-лув. (общееанат.) **t’wiya-> *dwiya*²⁵, арм. *erki-< и.-е. (*t’wi->) *dwi-*, тогда как лик. *lkkwem(i)*

²³ H. G. Güterbock. Notes on Luwian studies.—*Orientalia*. 1956, n. s., vol. 25, fasc. 2, p. 139, n 2; E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite (Bibliothèque archéol. et hist. de l’Institut français d’archéologie d’Istanbul. VI). Paris, 1959, pp. 58–59; H. Otten. Die Apologie Hattusilis III. Wiesbaden, 1981, S. 9.

²⁴ В обоих языках по отношению к богам-пастухам: В. В. Иванов. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным.—*Вестник истории мировой культуры*. 1957, № 1; E. Benveniste. *Études hittites et indo-européennes*. Paris, 1962.

²⁵ Ср. к этой реконструкции (в другой связи): N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbums (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd 64). Nürnberg, 1979, S. 550, Anm. 16.

соответствует греч. $\epsilon\upsilon\beta\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ ²⁶; возможно, что к диалектной (лувийско-ликийской?) форме восходит и лид. $\sigma\upsilon\upsilon\epsilon < *duwa-$ 'воздвигать'²⁷. Благодаря лувийско-ликийской параллели данный армянский фонетический процесс выходит из той кажущейся изоляции, которая озадачивала многих исследователей такого масштаба, как Пизани²⁸, и оказывается поздним завершающим этапом ареального лувийско-армянского развития типа $\bar{d}w- > *rkw-$, разные конечные стадии которого представлены соответственно в лувийско-ликийском ($*dw- > *rkw- > *kw-$) и древнеармянском ($*dw- > *rkw- > erk-$). Для уяснения причин начала этого развития несомненный интерес представляет и регулярное изменение $*dw- (*dhw-) > w-$ в тохарском (в других отношениях обнаруживающем общне изоглоссы с лувийским), ср. тох. $wi-$, лув. $kuwa\upsilon a-$ 'бояться': др.-арм. $erk-p-s'im$ 'боюсь'; тох. А wi (м. р.), we (ж. р.), В wi 'два': лик. $kbi-$: др.-арм. $erk-$, вероятно из $*t'wi-$ (где начальный глоттализированный $*t'$ в части армянских диалектов мог долго сохранять свой древний характер).

Что же касается тох. $op-iwappi$ 'бессмертный', то фонетический облик этого и других указанных слов, содержащих группы $*dw- (< < *t'w-), *dhw-$, показывает, что ареал древних диалектов, в которых осуществлялось изменение подобных сочетаний переднеязычного смычного (озвончившегося глоттализированного или придыхательного) с сонантом (в частности, w ; в тохарском также $-y-$: $*rod-yo- > tox.$ В $ra\upsilon\upsilon e$ 'нога'), был достаточно широким, охватывая тохарский, лувийско-ликийский, армянский (ср. также типологически близкое к тохарскому развитие типа $*dw- > b-$ в латинском, параллели чему были давно указаны Е. Д. Поливановым в дунганском). Но внутри этого ареала армянский отличен от тохарского тем, что $*dhw- > др.-арм. d-$ ($-w-$ в этой позиции исчезло); армянский объединялся с лувийским фонетическими деталями: появлением $*-k-$ в устраняемом сочетании $*dw- (< *t'w-)$, что можно было бы объяснить, в частности, ассимилятивным уподоблением $*$, переосмысляемого не как признак, а как сегментная единица: $* > k$ (ср. $*dw- > b-$ в латинском) в группе $*t'w > *d/rkw$ (откуда $kw-$ в лувийско-ликийском, $erk-$ в древнеармянском после его вхождения в диалектную область, где, как в прагерманском и хеттском, не допускалось начальное $g-$).

Период диалектных протоармяно-лувийских контактов кажется возможным соотнести с той эпохой, когда имели место связи протоармянского и с неиндоевропейскими соседями хетто-лувийских языков—языками северокавказской языковой семьи, в частности хурритским и хаттским—с последним через возможное посредничество хеттского и родст-

²⁶ Г. Нойман. Ликийский язык.—В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 336 (Нойман не заметил связи данного явления с более древним лувийским).

²⁷ N. Oettinger. Op. cit., S. 483, Anm. 62; S. 564; idem. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd 92, S. 89.

²⁸ V. Pisani. Studi sulla fonetica del armeno.—Ricerche linguistiche. 1951, 2, p. 54.

венных ему анатолийских индоевропейских диалектов; не исключено, что и взаимодействие с хурритским в известный период могло быть опосредовано лувийским. Малая Азия и прилегающие к ней области в III—II тыс. до н. э. были ареалом интенсивного взаимодействия разных культур и языков, часть которых умирала, но сохранялась в качестве составной части других. Взаимодействовали индоевропейские диалекты, в частности выделявшиеся из индо-ирано-армяно-греческого (митаннийский арийский, вступивший в симбиоз с хурритским; дописьменный греческий язык Аххиявы—ахейского царства, соседившего с хеттским; протоармянский) и анатолийские (хетто-лувийские); семитские (в том числе ханаанейские западносемитские: эблаитский, позднее угаритский, древнеханаанейский язык глосс Эль-Амарны и др.); древние языки северокавказской семьи, среди них хаттский (северо-западнокавказский, близко родственные абхазо-адыгскому) и хурритский (более близкий северо-восточнокавказским). Тесные культурные и языковые связи иногда делают весьма сложной задачу точного определения первоисточника того или иного слова или собственного имени, распространяющегося по всему этому ареалу. Это относится и к этнонимам и именам богов, часто составляющим основной материал для решения этногенетических проблем.

Основной ситуацией того времени был билингвизм. Поэтому исключительный интерес представляют сохранившиеся двуязычные тексты. Малоазиатские хаттско-хеттские билингвы очень важны и для пред истории протоармянской культуры. В них широко представлена хаттская богиня Та-ši-me-ti²⁹, которая в староассирийской каппадокийской (малоазиатской) табличке из Ашшура³⁰, датированной рубежом III и II тыс. до н. э., связывается с Наја—этнонимом и ономастическим элементом, который соответствует, с одной стороны, древнему названию и самоназванию армян и протоармян³¹, с другой— ономастическому элементу Наја, засвидетельствованному вместе с названиями

²⁹ E. Neu. Althethitische Ritualtexte in Umschrift (Studien zu den Bogazköy-Texten. Hrsg. von der Kommission für den Alten Orient der Akademie der Wissenschaften und der Literatur. H. 25). Wiesbaden, 1980, S. 183 (№ 109, Vs. II 8'), 192 (№ 112, Rs. III 9'—12'), 194 (№ 113, Rs. III 7'—10'), ср. также перечень хаттских богов, включающий и это божество в форме Та-si-im-me-cz-za-as (под и.): ibidem, S. 72 (№ 27, Vs. 12'). Ср. об этом имени V. Haas. Der Kult von Nerik. Ein Beitrag zur hethitischen Religionsgeschichte (Studia Pohl. 4). Rom, 1970, SS. 88, 156, 157; O. R. Gurney. Some aspects of Hittite religion. Oxford, 1977, p. 12, n. 6 (с библиографией).

³⁰ I. J. Gelb. An Old Assyrian votive vessel.—Anatolian Studies presented to H. G. Güterbock. Ed. by K. Bittel, Ph. H. Houwink ten Cate, E. Reiner. Istanbul, 1974, pp. 95—104. Более детальный анализ текста и имен, в нем содержащихся, составил предмет особой статьи.

³¹ Г. А. Каланцян. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия.—В его кн.: Историко-лингвистические работы. I. Ереван, 1956, с. 5—265. Новейшие открытия, в частности касающиеся топонима и этнонима Наја в его соотношении с Armi и Azi, подтверждают правильность выводов Г. А. Каланцяна и полную ошибочность всех построений И. М. Дьяконова относительно происхождения этнонима hay < *hali и других вопросов этногенеза армян: И. М. Дьяконов. Предыстория армянского чарода. Ереван, 1968, с. 234 след.

местностей, областей или городов Ази и Агги в числе топонимов, фиксированных в цитируемых ниже клинописных текстах из Эблы середины III тыс. до н. э.—за несколько веков до таблички из Ашшура; позднее тот же термин 𐎠𐎶𐎶𐎵 засвидетельствован как топоним в первых веках I тыс. до н. э. в пероглифической лувийской надписи из Кархемыша. В малоазиатской табличке из Ашшура говорится: (1) [k]u-ú-um|a-ni-tum (2) [a?-m]a-ḫi-[r]i-im (3) ša Ú-ra-me-e (4) ḫa-mu-uš-tum (5) ša Ta-aš-me-tim (6) sa ba-ib|a-ap-tim (7) A-sūr-e-nam (8) DUMU 𐎠𐎶𐎶𐎵|e-pu-si-na (9) ku-ú-e-en|a-ni-ti-in (10) ki-ma 1 DUG (11) ú-ma-[i]i-ú-si-na (12) i-ga-gu-bu-ma (13) DINGIR|ik-ri¹-bi-šu-pu (14) i-ša-me-¹ma¹ (15) wa-ar-ḫu-¹um¹ (16) a-na wa-ar-ḫi-¹im¹ (17) i-ba-ki-zu-pu=(1) qu'um annitum (2) am-maḫirim (3) ša Uramijē (4) ḫamūštum (5) sa Tasmētum (6) sa bab aptim Aššur-ennam (8) mera' 𐎠𐎶𐎶𐎵 (= 𐎠𐎶𐎶𐎵) epuššina (9) qu'en anniten (10) kīma ištī'at karpāt (11) umal-lī'ūšina (12) ikarrubūma (13) ilum ikribēšunu (14) išammēma (15) warḫum (16) ana warḫim (17) irqisunu (1) Эти два сосуда|к., (2) [(предназначенные) для?] рынка (3) ур(а)мийцев (людей Урми?), (4) в течение пятидневной недели (5) (божества) Тасмет (Ташмет) (6) оконного отверстия (7) Ашшур-эннам, (8) сын Хайи (= житель Хайи?), сделал. (9) Эти два сосуда|к., (10) потом в объеме меры к. (11) они наполнили, (12) они будут молиться и (13) божество|услышит (14) их молитвы и (15) из месяца (16) в месяц (17) будет их обеспечивать (= заботиться о них)'. Божество Тас(ш)мет(ум) известно и в ряде других малоазиатских текстов из староассирийских колоний того же времени, а также в хаттских текстах и хеттских, переведенных с хаттского или же принадлежащих к хаттскому кругу. В данном тексте божество соотносено с 'сыном Хайи'. Представляется очевидным сближение последнего оборота с ономастикой текстов Эблы.

В текстах деловой отчетности из Эблы, изданных Петтинато в транслитерации, человек по имени 𐎠𐎶𐎶𐎵=𐎠𐎶𐎶𐎵 (в клинописной передаче 𐎠𐎶𐎶𐎵) упоминается в следующих местах. В тексте 3) в разделе, представляющем собой перечисление видов материи, выданных разным лицам во время царя Ebrum, говорится (г. VI 5—7)³²: (5) 1 túg-i:li 1 sal-túg 1 íb+3—túg-dar (6) maškim (7) 𐎠𐎶𐎶𐎵 '1 матерью превосходного качества, 1 тонкую матерью, 1 разноцветную (пеструю) одежду посреднику (уполномоченному) Хайи'. Далее в том же тексте (v. I 13—14)³³ речь идет о выдаче украшения: (13) 1 díb gur¹ guskin (14) 𐎠𐎶𐎶𐎵 '1 пластинку в 20 (циклей) золота Хайе'.

Особенно любопытно то, что в этом случае предшествующее лицо связывается с областью города Агги (10—12): (10) 1 ku-si-tum-túg (11) tu-ri (12) ar-mi^{ki} '1 ткань кусит для Мури (из) Арми'.

³² G. Pettinato. Testi amministrativi della Biblioteca L. 2769. Parte I (Istituto Universitario Orientale di Napoli. Seminari di Studi Asiatici. Series Major, II: Materiali Epigrafici di Ebla-2). Napoli, 1980, p. 192, о датировке там же, с. XLV.

³³ Там же, с. 210.

С большой долей вероятия Арми, упоминаемое в текстах Эблы (в ранних надписях — как город, имеющий отдельного царя, позднее — наместника Эблы), отождествляется с Аппапим, которое названо вместе с Эблой в надписях Нарам-Суэна Аккадского³⁴. Другой человек из этого же Арми далее упоминается в том же тексте 30 (v. VI 10—12)³⁵: (10) 1 *ku₈-si-tum-túg* 1 *aktum-túg* 1 *ib* < 3-*sa₆-dar* (11) *ma-a-lum* (12) *ar-mi^{ki}* '1 ткань *кусум*, 1 ткань *актум*, 1 платье пестрое высшего качества для Малума (из) Арми'.

Далее в том же тексте среди прочих упоминается Ази (v. VIII 8—11): (8) 1 *KIN_x-síg* (9) *ni-giri-aka* (10) *ir-da-mu* (11) *lu a-zi* '1 меру *кин* шерсти для шнурков (для) Ир-Даму, человеку (подданныму?) Ази'. В другом тексте (20 v. III 9—11) это же собственное имя Ази встречается дважды в сочетании с *dumu-nita* 'сын': (9) 1 *túg-i-lí* 1 *ib* < 3: *túg: dar* 5 *zi-ri-síg* (10) *dumu-nita* (11) *a-zi* (12) *gu-di* (13) *i-sa-gi* '1 ценную ткань, 1 пестрое платье, 5 мер мытой шерсти сыну Ази по приказу Исари'. Сравнение сочетаний *lu Azi* 'человек Ази' и *dumu-nita Azi* 'сын Ази' скорее говорит в пользу интерпретации Ази как этнонима или названия области, а не имени человека.

В другом экономическом тексте (37 v. II 4—8)³⁶ упоминается Хайя (из) Хутиму: (4) 1 *ku₈-si-tum* (5) *ha-a* (6) *hu-ti-mu* (7) 5 *túg-i-lí* (8) *mašum-sa* '1 ткань *кусум* для Хайи (из) Хутиму, 5 превосходных тканей для его уполномоченного'. Для истолкования этого последнего места текста представляется целесообразным дать беглый обзор упоминаний Хутиму в других опубликованных текстах из архива Эблы. Все указывает на вхождение этого названия в круг имен, относящихся к порубежью Малой Азии, Северной Сирии и Северной Месопотамии.

Топоним *Hutimu* засвидетельствован в тексте (1), где речь идет о „доходах“ отдельных городов в последний год царствования *Ebrim'a*. В частности, до этого города названы *za-bur-tum^{ki}*³⁷ (г. IX 2); *u-ti-gú^{ki}* (там же, 5), сравниваемый с *u-ti-ik^{ki}* (v. IX 16) и с пуническим *Utica*³⁸; *ir-sa-um^{ki}* (г. IX 12), тождественное *Uršu*, известному из надписей Гудеа и других источников, судя по которым после падения Эблы Уршу становится важнейшим центром Северной Сирии³⁹, далее известным из древнехеттских текстов; *ir-i-tum^{ki}* (г. X 2), отождествляемое с *Irrid*, *Irrite* позднейших текстов; *ha-ra-an^{ki}* (там

³⁴ P. Matthiae. Ebla: Un impero ritrovato. Torino, 1977. p. 184, 192, ср. также карты (рис. 47, 48) на с. 191, 197; G. Pettinato. Op. cit., p. 34.

³⁵ G. Pettinato. Op. cit., p. 211, с интерпретацией имени *Ma-Alum*.

³⁶ Там же, с. 253.

³⁷ G. Pettinato. — *Orientalia*. 1978, vol. 47, p. 52 (III 2).

³⁸ M. Dahood. — *Vetus Testament*. 1978, 29, Suppl., S. 89, Ann. 27; G. Pettinato. *Le città fenice e Byblos in particolare nella documentazione epigrafica di Ebla.*—In: *Atti del I. Convegno internazionale di studi fenice e punici*.

³⁹ P. Matthiae. Op. cit., pp. 54, 56, 252.

же, 5), тождественное позднему *Naḡan*¹⁰ на севере Месопотамии, за которым следуют *Ti-šum*^{ki} (8), *ḫi-ti-mu*^{ki} (1F) и *kaḫ-lu-ul*^{ki} (14); далее *tī-ub*^{ki} (v. I 5), отождествляемое с позднейшим Туба (к северу или северо-востоку от Эблы)¹¹.

Таким образом, указанные названия группируются вокруг мест, близких к исторической Армении, и дают серьезные основания для поиска весьма ранних истоков тех внешне к ним близких ономастических элементов и этнонимов, которые существенны для этногенеза армян. Учитывая возможность многократных переходов имен от этноса к этносу и заимствований этнонимов, эти термины нельзя считать доказательством того, что протоармянский уже в середине III тыс. до н. э. мог быть языком, с которым связывались эти имена. Но весьма вероятно, что период армяно-лувийских и армяно-северокавказских связей мог быть приурочен к той области, с которой соотносятся эти этнонимы.

Дальнейшие периоды дописьменной истории армянского, в частности взаимодействия его с поздними хуррито-урартскими диалектами и с иранским, описаны достаточно подробно. К сожалению, до сих пор еще очень мало сделано для выяснения того, какие именно процессы в фонологической и грамматической истории древнеармянского языка соотносятся с разными этапами проникновения иранских заимствований и с другими, более ранними эпохами, схематически намеченными выше.

Наряду с решением задач выявления относительной хронологии языковых явлений существенным для арменоведения в целом представляется исследование того, как могут соотноситься друг с другом языковые элементы разных хронологических слоев в пределах одного текста и его фрагментов. Ниже эта задача будет рассмотрена на материале гимна Ва(х)агну.

Я попытаюсь подойти с позиций сравнительно-исторического исследования индоевропейского (и, в частности, индо-ирано-армяно-греческого) поэтического текста к восстановлению первоначальной (глубинной) структуры текста мифа о Ва(х)агне, переданного Моисеем Хоренским. Начнем с первых двух строк, давно уже служивших предметом напряженного внимания индоевропеистов и арменоведов.

Первая строка и начало второй строки, ее продолжающей,—

erknēr erkin, erknēr erkir,
erknēr ew sovḥ cirani¹²

В муках рождения было небо, в муках рождения была земля, в муках рождения было пурпурное море¹³ — давно начали привлекаться для исследования анаграмматических этимологических фигур¹⁴. Для понимания этимологии каждого из слов,

¹⁰ Там же, с. 195.

¹¹ Там же, с. 184, 226; D. J. Wiseman. The Alalakh tablets. London, 1953, p. 157.

¹² Вариант: erknēr erkin ew erkir, | erknēr ew cirani sov.

¹³ Ср. к переводу М. Абегаи. История древнеармянской литературы. Т. I. Ереван, 1948, с. 31. Поэтический перевод В. Брюсова последний раз воспроизведен в кн.: Г. Эмиш. Семь песен об Армении. М., 1981, с. 113.

¹⁴ Вяч. Вс. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. 2: Индоевропейская поэтическая формула в древнейшем армянском стихотворении.—In: To honor R. Jakobson. The Hague—Paris, 1967, pp. 981—984; он же. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в 3. *Zubnuk*. № 4

анаграмматически соединенных в первой и начале второй строки, основополагающим является обсуждавшийся выше вывод Мейе о развитии *d̥w- (вероятно в современном понимании *t'w-) > eḡk-.

Для первых двух строк гимна Ваагну история разобранного выше сочетания фонем eḡk- < *t'w- имеет особое значение потому, что на его повторении строилась структура этих строк, каждое из первых пяти полноточных слов которых этим сочетанием начинается. Слова не только связаны между собой фонетически и семантически (параллелизмом); глубинная смысловая структура двух первых строк гимна, кроме того, отвечает этимологическим связям, отраженным и в соответствующих фонем, которые в древнеармянском тексте воспроизводят индоевропейские анаграммы. В основе двух первых строк лежит смысловая, анаграмматическая и этимологическая связь др.-арм. eḡkīn 'небо', eḡkīg 'земля' и eḡkpeł 'мучиться при родах' (откуда eḡkpełg в данном тексте, анаграмматически близкое к eḡk:ḡ и eḡkīn). Взаимная связь eḡkīn и eḡkīg несомненна. Парность земли и неба как мифологизированной четы, часто оформляемой в виде единого целого грамматически (шум. anki 'небо-земля', др.-инд. вед. dyavarṛthivi, дв. ч. 'Небо и Земля вместе'), объединяет все древневосточные культуры. Из тех традиций, которые так или иначе могли взаимодействовать с дописьменной армянской, следует в этой связи выделить древнесемитские: для западносемитской (ханаанейской) древность подобного сочетания следует из финикийско-угаритско-древнееврейского сопоставления, обсуждавшегося в одной из последних статей покойного М. Дахуда (в «Ugarit-Forschungen»).

Можно думать, что все культурные традиции Древнего Востока объединяются этим языковым воплощением общей мифологемы 'небо-земля'. В упомянутых выше хаттско-хеттских двуязычных текстах повторяется в качестве стандартного сочетание хет. ne-pi-iš te-e-ka-pa 'небо и земля' (<и.е. *nebh̥és d̥h̥égʷom-о с тем же значением), в частности—в величаниях бога Wasšezzili, бога грозы, бога Забаба (важного для культов северосирийско-месопотамского ареала начиная с Мари древнего периода), божества полей и некоторых других богов, о которых говорилось, что они 'владеют' небом и землей вместе⁴⁵. В древнеармянском парность земли и неба подчеркивается этимологической связью обоих слов с и.е. *d̥wī- (*t'wī- с исходной глоттализиацией, которая могла быть сохранена в армянском) как обозначением 'двух, пары' (ср. лат. bi- и т. п.). Эта гипотеза согласуется со средневековой армянской традицией, по которой eḡkīn и eḡkīg связывались с eḡku '2' ('небо'='два вещества, земля и огонь', 'земля'='два ве-

позии на древних индоевропейских языках.—В кн.: Этимология, 1967. М., 1969, с. 45—51. К анализу текста гимна в целом как содержащего акrostихи (т. е. «анаграммы» в соссиоровском смысле) ср. *Մ. Պետրոսյան. «Վահագնի երգի» ակրոստիքային երկի վերաբերյալ և վերծանման փորձ.*—Вестник обществ. наук АН АрмССР. 1981. № 4, с. 78—88.

⁴⁵ E. Neu. Op. cit. SS. 183 (№ 109, Vs. II 6", 12"), 187 (№ 110, Rs. III 8')—188 (№ 111, Vs. II 4', 16'), 199 (№ 117, Rs. 8").

щества, два предмета'). Мейе первым предположил, что арм. *erkin* 'небо'—'мужская половина' (*d^win-), *erkig* 'земля'—'женская половина'⁴⁶. Эту мысль развил Пизани, согласно которому противопоставление образований на -п- : -г- отражает архаическую индоевропейскую оппозицию актива и инактива⁴⁷, как в др.-инд. *uksan-* (м. р.) 'бык' < *uk^w-sép- 'оплодотворитель, муж' : лат. *uxor* < *uk^w-sor- 'оплодотворяемая, жена', где общиндоевропейский характер суффикса *-sor- (из морфы *sor, выступающей и как лексема 'женщина': др.-инд. *stri*) следует из соответствия хет. -šara- (*hašsu-sara* 'царица'), лув. -šara (в иероглифических и клинописных текстах), н.-е. каппадок. -šar как суффикса женских обозначений и общего для периферийных (индо-иранского и кельто-италийского) индоевропейских диалектов образования форм ж. р. числительных с тем же суффиксом⁴⁸. Согласно Пизани, то же распределение -п- как древнего показателя актива (позднее м. р.) и -г- как показателя инактива обнаруживается в индоевропейских именных основах типа лат. *dominus* 'господин' : др.-греч. *ἀνδρ* 'супруга'; др.-инд. *ṛīva-p-* 'жирный' (м. р.; греч. *πίον*) : ж. р. *ṛīvaḡi* (греч. *λίερα*), и т. п. По-видимому, оппозиции последнего типа в общегреческо-арийско-армянском прадиалекте были достаточно распространены, что и позволяет считать данную этимологию *erkin* : *erkig* вполне надежной. Реконструкция *-п(t) как активного показателя и *-г как инактивного подтверждается всей совокупностью известных сейчас данных, относящихся к морфологии не только индоевропейского имени, но и глагола⁴⁹, а также внешними ностратическими параллелями (образование инактивных имен на *-pí- в дравидском при инактивных на *-г- и т. п.).

II. Кноблех высказал предположение, что из противопоставления *-п : *-г в арм. *erki-p* : *erki-g* следует связь этих слов с глагольным корнем⁵⁰. Нужно уточнить: и с глагольным, но с таким глаголом, который образован либо от той же основы числительного 'два', либо от типологически вероятного⁵¹ предиката 'быть в количестве двух' (ср. глаголы с подобным значением в таких архаических восточноностратических языках, как юкагирский, относящийся к юкагино-уральской подгруппе). Косвенный след этого глагола, переосмысленного в значении 'мучиться

⁴⁶ A. Meillet. — *Mélanges Émile Boisacq*. I. Bruxelles, 1937, p. 1 et sq.

⁴⁷ V. Pisani. *Uxor: Ricerche di morfologia indoeuropea*. — In: *Miscellanea Giovanni Galbiati*. Vol. III. Mailand, 1951, pp. 3–6; В. Пизани. Общее индоевропейское языкознание. М., 1956, с. 155.

⁴⁸ Ср. к этому соответствию как отражающему словообразовательный (суффиксальный, как в хет. *kata-ha* 'царица' и аналогичных абхазо-адыгских формах), а не словоизменительный характер обозначений женского рода: В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963.

⁴⁹ В. В. Иванов. Глагол, с. 75, 81, 97.

⁵⁰ J. Knobloch. Zu armenisch *erkin* 'Himmel', *erkir* 'Erde'. — *Հանդես ամսօրյա* (Wien). 1961, № 10–12, SS. 542–543.

⁵¹ К типологии употребления числительных в древнеармянском гимне ср. параллели в египетской литературе: Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. 1: История древнеегипетской литературы. М., 1920, с. 178, примеч.

родовыми муками' < 'мучиться, раздваиваясь'. сохраняется в форме еркпел 'мучиться при родах, печалиться, ожидать в глубокой печали, глубоко волнением'. Созвучие др.-арм. еркпēr 'мучилась при родах', еркп 'небо', еркпг 'земля' отражает, по-видимому, анаграмматическую этимологическую фигуру, связывающую друг с другом глагол со значением 'мучиться при родах' (еркп- < *edun- = *et'up-, эол. греч. εδουα 'боль', др.-ирл. idu), 'бояться' (др.-арм. еркпс'им 'я боюсь': греч. δεῖδω, авест. dūaēda 'угроза'), числительное '2' (др.-арм. ерку) и названия Земли и Неба. Согласно Пизани, др.-арм. еркпс'им 'представляется производным от ерку, как нем. zweifeln, и так же как δεῖδω (*δε-δφοj-α) содержит основу *dūi-, отраженную в δεῖς и т. п. (ср. δοῖη 'сомнение': δοῖς 'двойной', лат. dubius: dūo...)'⁵². Позднее и, вероятно, независимо к сходному заключению пришел Бенвенист, обнаруживший, что окончательное подтверждение гипотезы о родстве индоевропейской глагольной основы *dwei- (= *t'wei-) и основы числительного *dwei- (= *t'wei-) 'два' можно найти в „Илиаде“, IX, 229: λιγὴ μέγα πύλα... εἰσπορεύεται δεῖδιμεν; ἐν δοῖῃ δὲ λαοστέρων ἢ ἀπολέσθαι υἱός (в русском переводе Минского: «Горе большое... мы в страхе предвидим. Ибо сомнительным стало, удастся ль суда отстоять нам»⁵³). Гомеровский текст, по Бенвенисту, позволяет окончательно удостовериться связь между δεῖδιμεν 'мы боимся' и ἐν δοῖῃ 'в сомнении' (буквально 'в двойственности'); ср. еще прусск. dūrai 'боязливый, робкий': dwibugūt = dwigubūt 'сомневаться': dwigubbus 'двойной'⁵⁴.

С точки зрения современных сравнительно-исторических исследований индоевропейских диалектных истоков греческой и древнеармянской поэтической традиции гомеровский текст существен в другом отношении. Соответствие гомеровского и древнеармянского текстов, где сходным образом соединяются именные и глагольные производные от индоевропейской основы *dwei- 'два; быть в раздвоении = сомневаться, бояться, мучиться (родовыми муками = рождаться, раздваиваться — по отношению к двум)'⁵⁵, позволяет предположить, что данный поэтический фрагмент текста восходит к общегреческо-протоармянскому поэтическому языку. Следовательно, повторяющееся сочетание в двух первых строках —

erknēr erkin, erknēr erkīr,
erknēr...

⁵² V. P i s a n i. Mytho-etymologica.—Revue des Etudes indo-européennes. T. I 1938, p. 222, n. 1.

⁵³ Илиада. Пер. Н. М. Минского. М., 1935, с. 130.

⁵⁴ E. B e n v e n i s t e. Problèmes sémantiques de la reconstruction. — In: i d e m. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966, pp. 294—295. Рус. пер.: Э. Бенвенист. Семантические проблемы реконструкции.—В его кн.: Общая лингвистика. М., 1974, с. 336—337. О прусском ср. В. Н. Топоров. Прусский язык: Словарь. А—Д. М., 1975, с. 396.

⁵⁵ В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике, с. 983—984; он же. Использование для этимологических исследований..., с. 47—56.

-- следует возвести к диалектному индоевропейскому типу *dwei-p-... *dwei-n-... *dwein-... *dweil-... *dwein-. Конец второй строки явно представляет собой замену древнего сочетания, где должно было быть употреблено название моря как третьего элемента в триаде небо—земля—море⁵⁶, посредством более позднего заимствования сов 'море' (из хуррито-урартского с дальнейшими северокавказскими параллелями при наличии картвельских и других ностратических параллелей, ср. уарт. *šue* 'озеро' > 'море'⁵⁷ из названия 'водоема'). К заимствованному сов 'озеро, море' в данном тексте по тому же принципу анаграмматической звукописи подобран эпитет *šiganī* 'пурпурный, абрикосовый' (старое ареальное слово: груз. *šegamī*, абхаз *а-чарам* 'абрикос' из индоиранского, ср. в вост.-иранском афг. *šəgēy* 'сорт сливы', язг. *šigaū*, мундж. *šigū*, *šigəu*, йидга *šigē* 'абрикос', в кафирском прасун *šigē*, кати *šigə*, ашкун *šigā*, в индо-арийском *śēg*⁵⁸). По-видимому, это анаграмматическое сочетание двух заимствований позднейшего времени заменило более древнее, построенное из исходного индоевропейского материала. Но самый принцип звукоизобразительного соединения начал слов в с...с (сов *šiganī* или *šiganī сов*) аналогичен более древнему *d^w... *d^w > erk-...erk-.

Третья строка

erkn i sovowp ownēg ew zkaṛmṛikn ešegnik

'муки рождения охватили в море и красный тростничок'

с точки зрения лингвистики текста интересна продолжением в ней тех же лексических (erkn, сов) и семантических (z-kaṛmṛik, ср. *šiganī* 'пурпурный') тем, что и в первых двух строках. Глагол *ownēg* анаграмматически связывает строку с предшествующим *erknēg* и создает внутреннюю анаграмму в самой этой строке: *erkn... sovowp ownēg... ešegnik*. По одной из возможных этимологий глагол *ownēg* 'охватил, имел' исторически продолжает *sonH- > хет. *šanh-* 'желать, требовать', др.-инд. *sanoti*; если с этой (или одной из других возможных) праформой глагола сочеталось анаграмматически с ним связанное слово, позднее эта связь была заменена другими, структурно ей подобными (*sovowp ownēg* и т. п.), так как сочетающийся с глаголом

⁵⁶ В. Н. Топоров. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции.—Историко-филологический журнал. 1977, № 3, с. 101—103 (с дальнейшей литературой вопроса). См. также о тронности в этом тексте *Շ. Մ. Մուղանի Երգերի «Գողթանի Երգերի» գեղագիտական համակարգը*.—Историко-филологический журнал. 1981, № 3, с. 176 (там же, с. 175 след. ср. о других символах в гимне Ваагну).

⁵⁷ Г. А. Капанцян. Указ. соч., с' 216; он же. История армянского языка. Ереван, 1961, с. 73, 137.

⁵⁸ G. Morgenstierne. Etymological dictionary of the Shughnani group. Wiesbaden, 1974, p. 276; G. Fussman. Atlas linguistique des parlers Dardes et Kafirs. T. 2. Paris, 1972, p. 37; И. М. Стеблин-Каменский. Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений. М., 1982, с. 97; H. W. Bailey. Ambages indoiranicae.—In: *AIQN*. Napoli, 1959, pp. 124—125, 140.

субъект передан словами, являющимися заимствованиями (kaṃṃ-ik из иранского, eḷegn-ik из неотожествленного, возможно северокавказского, источника). Такие структурные элементы строки, как префигурованный элемент вин. п. z- и уменьшительное -ik (типологически частое в любых фольклорных текстах), также представляют собой новообразование.

Семантически тростник может связываться с тем же представлением, что и развивающийся далее образ пламени и мужского божества⁵⁹.

Две следующие строки, связанные (как и две первые) семантико-грамматическим параллелизмом, характерным для ранних образцов всех индоевропейских (и шире—ностратических, ср. работы Аустерлица и других исследователей, суммированные Р. Якобсоном и Дж. Фоксом) текстов, вводят в эксплицитном виде тему огня:

ənd eḷegan p'ol ɕowx elanēr,
ənd eḷegan p'ol boɕ' elanēr

'из горла (трубки-ствола) тростника дым вставал,
из горла тростника огонь вставал'

Первое из вводимых в гимне названий огня, по-видимому, заимствовано из северокавказского источника, родственного енисейскому—кет. bok 'огонь' (ср. лат. focus 'очаг': субстратное слово?). Глагол elanēr, как и ownēr, представляет интерес с точки зрения его места в древнеармянской супплетивной парадигме⁶⁰, что позволяет соотнести его этимологию с видо-временной функцией в грабаре. То же название огня повторяется в следующей строке:

ew i boɕ'oun vazēr xarteas patanekik

'и из огня выскочил рыжий паренек'

тогда как собственно индоевропейское название огня (среднего—неодушевленного рода) howṛ (<*roHṛ) сопоставляется с заимствованным в следующей строке, где распределение этих слов, по-видимому, подчинено чисто звуковым принципам—howṛ сочетается с her 'волос', начинающимся с того же согласного:

pa howṛ her ownēr, boɕ' ownēr mōṛows

'он пламя имел вместо волос. огонь—вместо бороды'

Слово mōṛows—вин. п. мн. ч. (неопред.) от mawṛowk' 'борода (pluralia tantum)—особенно интересно тем, что в нем представлена лексема, общая для индоевропейского (древнеиндийского—masru,

⁵⁹ В. Н. Топоров. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции, с. 101; А. Р. Демирханян. Аванский идол и символично-космологические представления Древней Армении.—В кн.: V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 308. Ср. о дальнейших элементах текста G. Dumézil. *Heur et malheur du guerrier*. Paris, 1969; *idem*. *Mythe et épopée*. I. Paris, 1971, pp. 218—219; А. В. Маргуни. К вопросу о происхождении и развитии сюжета и жанра (миф—эпос—сказка).—Историко-филологический журнал. 1983, № 1, с. 137, 138.

⁶⁰ В. В. Иванов. Глагол.

балтийского—лит. *smakias*, лтш. *smakrs* с таким же отступлением от *satəm*-ного отражения, как в алб. *tjekrë* и хет. *zapankur* с метатезой *-ur<-gu*, возможно объясняющей незакономерное *k* из *k'* перед *-u-*, ср. в западноиндоевропейском: др.-ирл. *smesch* 'подбородок', ср.-ирл. *smeig*, *smig*, др.-исл. *smaera*, *smari*, швед. диал. *smare*, др.-англ. *smaeras* 'губы') и северокавказского, где представлена сходная с древнеиндийской (или другой подобной ей *satəm*-ной индоевропейской, реально, однако, нигде кроме индоарийского не засвидетельствованной, что может объясняться позднейшей инновацией в иранском и кафирском) форма: о.-дагест. **mVzVr/mVč'Vr* 'борода'⁶¹. Принимая в принципе предложенное автором сравнение общедагестанской формы с индоевропейской *satəm*-ной, Марки в недавней работе⁶² предполагает, что первая могла восходить и к форме без *s-* (типа древнеармянской?). Вместе с тем он показал, что данное название 'бороды' является общиндоевропейским, а в части диалектов было позднее заменено инновацией **bhar-dha-* (лат. *barba*, *barbatus*, рус. *борода*, *бородатый*, ст.-слав. БРАДА, БРАДАТЬ, слав. **bъ'rdǫ* > венг. *borda*, лит. *barzdā*, *barzdōtas*, лтш. *bārda*, прус. *bordus*⁶³). Согласно правдоподобной гипотезе Марки, новообразование **bhar-dha-* было связано с др.-инд. *bhṛsti* 'острие' и лат. *far*, гот. *barizeins*—обозначением *Hordeum sativum*⁶⁴. Существенно то, что (в соответствии с основополагающей работой В. М. Иллич-Свитыча о семитских заимствованиях в индоевропейском) этот последний земледельческий термин был заимствован в индоевропейские диалекты западной (условно «древнеевропейской») группы до их прихода в Европу. Очевидно, данная инновация имела определенное ритуальное значение, которое сохраняется в славянских выражениях типа рус. *завить бороду Велесу*⁶⁵: речь шла о том, что во время исполнения обряда человеку (в ритуале символизировавшему мужское антропоморфное божество) приставляли бороду, сделанную из соответствующего злака; этот обряд входил в цикл сельскохозяйственных обрядов. По-видимому, данный конкретный обряд (и само наименование **bhar-dhā- < *b^har-d^hoH-*) был распространен в той

⁶¹ В. В. Иванов. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира»— В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 201—202. Адыг. *жа-к/э* 'борода', вопреки И. М. Дьяконову (I. M. Diakonoff. Towards the pronunciation of a dead language.—In: Assyriological miscellanies. I. Copenhagen, 1980, p. 10), не является заимствованием из семитского, а образовано от *жэ* 'рот', ср. *жэ-зэу* 'подбородок', ср. типологически картв. *pi-qar* 'под-бородок'.

⁶² Т. Л. Маркеу. IE 'beard' and related matters. The University of Michigan. February 1983 (Pre-print). Пользуюсь случаем принести благодарность Т. Л. Марки за исключительно интересный препринт, знакомство с которым было существенно для настоящей работы.

⁶³ Ср. В. Н. Топоров. Прусский язык. А—D, с. 241—242.

⁶⁴ V. Kellermann. Germanische Altertumskunde. Grundlagen der Germanistik. I. Berlin, 1966, SS. 72—77.

⁶⁵ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 62.

диалектной области, где вне ритуала (как у славян⁶⁶, римлян, вероятно балтов) обычно брили бороды. Кажется, однако, вероятным, что самый обычный ритуальный изготовления бороды из материала, специфичного для данного обряда, был общиндоевропейским. В пользу этого предположения говорит то, что др.-инд. *śmaṅgi* внутри самого древнеиндийского может иметь достаточно прозрачную этимологию, отражающую и вероятную внутреннюю форму индоевропейского прототипа этого слова: *śmaṅgi* < *śm-an* 'кожа' + *st-* 'украшать'; форма др.-инд. *śman* объясняет хет. *-an* в *zamankur* и соответственно делает правдоподобной реконструкцию типа **smank'gu* (в отличие от общепринятой), откуда позднейшее **smok'gu* (вероятно, образовавшееся после утраты исходной внутренней формы слова).

Предлагаемая семантическая реконструкция обряда, при котором борода (возможно, исходно в индоевропейских обычаях отсутствовавшая в ритуально немаркированной ситуации) приставлялась к ритуально значимому лицу, может быть подтверждена и хеттскими текстами. В частности, в гимнах Солнцу, основанных на шумерских и аккадских (старовавилонских) прототипах⁶⁷, речь идет о 'бороте (*zamankur*) из лазурита'. Сходство со словоупотреблением древнеармянского гимна, где это же индоевропейское слово (*shawgawk'*) используется для обозначения ритуальной бороды из пламени мифологического персонажа, разительно. Хеттский (сложившийся под очевидным древнеближневосточным влиянием) образ бороды из лазурита у Бога Солнца настолько близок к армянскому символу бороды из огня у Ва(х)агна, что естественно задаться вопросом, не отразились ли здесь хетто-протоармянские культурные и религиозные связи времени, когда уже осуществлялся контакт между хеттами (к тому времени испытавшими влияние вавилонской религиозной традиции) и протоармянами (ср. данные о таком контакте, собранные Капанцяном, Расселом и другими исследователями, а также выше о божестве Тасмет, связываемом с 'сыном Хайи'). Но возможно и другое: при близости прадialeктов (протоармянского и дописьменного хеттского) общая форма **(s)mo(n)k'gu* могла достаточно рано использоваться в качестве обозначения элемента обряда привешивания символической бороды как символа плодородия мужского божества. Позднейшие переднеазиатские влияния могли содействовать продолжению этого общиндоевропейского употребления, но сходство может и целиком объясняться общими истоками, на которые в случае хеттского наслонились позднейшие шумеро-вавилонские влияния.

⁶⁶ Z. Gloger. *Encyclopedia staropolska ilustrowana*. IV. Warszawa, 1978, с. 447—453, ср. с. 317, 319, 321—323. Пользуюсь случаем поблагодарить Т. М. Судник за ценные консультации в данной связи.

⁶⁷ В. В. Иванов. К архаичным формулам в хеттских гимнах.—*Archiv Orientalni*. Vol. 46, 1978, № 1. Бородой характеризуется и индоевропейский бог грозы (см. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. *Исследования...*, с. 16, 131), в том числе индо-иранский. Вторичное воздействие (индо-)иранских представлений на армянскую традицию несомненно (блестящим образцом сравнительного анализа иранских элементов мифа о Ваагне является предсмертная статья Р. О. Якобсона). Это не противоречит наличию индоевропейских основ текста данного гимна вопреки замечаниям в статье: Л. А. Лелеков. К семантике и типологии храмовых сооружений армянского язычества.—*Историко-филологический журнал*. 1983, № 1, с. 63.

Поскольку позднему заимствованию *boç* могло предшествовать в прототексте гимна о.-и.-е. *poH(H)ur*, постольку это последнее название 'огня' образовывало с названием 'бороды' анаграмматическую фигуру: **poH(H)ur *(s)mo(n)k'ru*, где кроме созвучий концов (*ur ... ru*, ср. *-ur* в хет. *zapankur*) совпадают и губные **ro-... *mo-...* (с типологической частотой второго *m-* в подобных парах). Иначе говоря, для прототекста здесь удастся найти продолжение анаграммы **dw... *dw...* в первых строках и **el-n-* (>*elanēr*) в последующих строках: в каждой строке кеннинг реализуется и в анаграмме. Структура кеннинга 'борода-пламя' продолжена в аналогичном кеннинге заключительной строки.

Обращает на себя внимание соположение однотипных производных на *-own-k'* в заключительной строке

ew ač'kownk'n ēin aregakownk'

передаваемой обычно как '(и) были глаза его—солнца'⁶⁸. Армянская форма *aregakownk'*, передаваемая как 'солнца', представляет собой словосложение, включающее др.-арм. *agew* 'солнце' (ср. др.-инд. *gav-1-*) и акп- 'источник' в форме мн. ч. *akownk'* точно такого же образования, как и производное от армянского наименования 'глаза', включаемое в неправильную (и с точки зрения филологической критики текста в данном гимне исходную⁶⁹) форму *ač'-kownk'* 'глаза-источники' из *ač'-* (и.-е. **(s)ok^w*.⁷⁰ 'глаз', 'источник') + *k'* + *akownk'* 'источники'. Итак, текст следовало бы в буквальном переводе передавать 'и его глаза-источники были солнцами-источниками', с указанием того, что 'глаза' и 'солнца' обозначены однотипным словосложением 'источники-глаза', 'источники-солнца' с одним производным именем существительным с древним суффиксом⁷¹. Значения 'источник' и 'глаз', в и.-е. **(s)ok^w* - объединяемые (ср. лит. *akis*, слав. **oko*, хет. *saku-*), в древнеармянском переданы (одним) сложением. К очень немногочисленной группе имен существительных, образуемых по сходному с *akownk'* архаическому суффиксальному типу на *-an* (мн. ч. *-ownk'*), принадлежат и названия 'осени' *ašown* (род. п. *asnan*), 'весны' *gagown* (род. п. *gagan*), 'зимы' *jmerp*, 'лета' *amagn*. Оказывается возможным отождествить др.-арм. *aš-own* : *asn-an*, *ašn-amē* 'осень' как с хет. *zen(ant)-*

⁶⁸ См. текстологический анализ: Л. Мприджанян. Истоки армянской поэзии Ереван, 1980, с. 141, там же см. о возможной вторичности союза *ew 'n'*.

⁶⁹ R. Schmitt. Grammatik des Klassischen-Armenischen mit Sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck, 1981, S. 219.

⁷⁰ Едва ли верны другие предложенные в последнее время объяснения, ср. О. Szemerényi. Latin verbs in *-uō, -uere*.—In: Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. IV. Vol. 18: Linguistic studies in honor of E. Pulgram, p. 27.

⁷¹ R. Schmitt. Grammatik..., S. 106. Данное объяснение представляется более предпочтительным, чем другие толкования суффикса *-k'*, в частности как уменьшительного.

‘осень’, так и с родственным германо-балто-славянским названием осени: гот. *asans*, др.-в.-нем. *arap*, нем. *Ernte*, др.-исл. *ǫpp* (*azpu) ‘жатва’ (очевидно, вторичное значение по сравнению с древнеармянским и хеттским⁷²), прус. *assanis* ‘осень’, рус. *осень*, укр. *осиень*, бел. *вбсьень*, пол. *jesień*, чеш. *jesen*, слов. *jesen*, сербо-хорв. *jěsén*, словен. *jesên*, болг. *есен*, макед. *есен*. Данное соответствие представляется существенным потому, что для каждой из сравниваемых языковых групп удается отождествить и некоторые другие названия времен года, что указывает на значительный архаизм соответствующей группы существительных, в частности в древнеармянском: *ašown—gagown—jnegn* соответствует балто-славянскому, первые два слова—хеттскому.

Внимание ученых, в разных аспектах исследовавших гимн *Ва(х) агну*, было в большей мере, чем рассмотренной финальной строкой, привлечено первыми его строками (ср. специальные работы Ж. Дюмезиля, В. Н. Топорова и других).

Предложенный разбор анаграмм, или этимологических фигур, в тексте гимна позволяет утверждать, что и все дальнейшие строки были объединены анаграммами, часть которых (**poH(H)ur—*sonH-*) вскрывается только на праязыковом уровне:

- (1) **dw-... *dw-... *dw-... *dw-...*
- (2) **dw-...*
- (3) **dw-...*
- (4) **el-...*
- (5) **el-...*
- (6) **poH(H)ur...*
- (7) **sonH-...*
- (8) **sonH-...*
- (8') **poH(H)ur... *(s)mo(n)k'ru*
- (9) **(s)okw-... *(s)okw-*

Особое внимание следует обратить на вероятную связь лабиовелярных в конечных анаграммах **(s)okw-... *(s)okw-* с **dw-... *dw-...* в начальных анаграммах. Стихотворение представляет собой цепь единообразных индоевропейских кеннингов, кодированных анаграммами.

Согласно новейшему исследованию, метр гимна характеризуется «сочетанием четырехсложных колонов, урегулированных в первых шести строках (2 строки по 8 слогов и 1—12 слогов; структура эта повторяется дважды друг за другом), последние же 3 строки представляют собой 2 пятисложных стиха и завершающий 9-сложник структуры 5+4. В принципе 3 последние строки можно распенить, с одной стороны как примерное сохранение соотношения строк в предыдущих трехстишиях (третий стих наращивает еще один колон), с другой стороны—как один стих, представляющий собой вариацию четырехсложного метра (5+5+5+4), где о четырехсложности как метрической задаче свидетельствует заключительный колон, в принципе не позволяющий изменения слогового объема, продиктованного метром»⁷³. Этот метрический анализ позволяет утверждать, во-первых, что в древнеармянском

⁷² В. Н. Топоров. Прусский язык. А—D, с. 130—131.

⁷³ Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 200—201.

ском гимне (как и в ряде других древних стихотворений, примыкающих к нему в метрическом отношении⁷⁴) отразилась индоевропейская традиция восьмисложного и девятисложного (а также четырех- и пятисложного) стиха⁷⁵, во-вторых, что метрическая структура текста членит его так же, как он членится по смысловым группам кеннингов и анаграмм. Проструктура текста, таким образом, восходит к общеиндоевропейскому.

В заключение представляется возможным дать следующее метрическое русское переложение гимна:

Мучились небо с землей,
Мучилось море пурпурное,
Мучился красный тростник;
Из тростника вышел дым,
Из тростника вышло пламя,
Рыжий вставал паренек:
Волосы словно огонь,
Пламя—его борода,
Солнца—в глазах-родниках.

Сочетание кеннингов с анаграммами делает текст гимна Ва(х)агну одним из наиболее показательных образцов индоевропейской мифологической поэзии.

ԺԱՄԱՆԱԿԱԳՐԱԿԱՆ ՏԱՐԲԵՐ ՇԵՐՏԵՐԻ ԱՌԱՆՁՆԱՑՈՒՄԸ ԳՐԱԲԱՐՈՒՄ
ԵՎ ՎԱՀԱԳՆԻ ԵՐԳԻ ՏԵՔՍՏԻ ՆԱԽՆԱԿԱՆ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔԻ ԽՆԴԻՐԸ

Վյաչ. Վս. ԻՎԱՆՈՎ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հողվածում առաջարկվում է ընդհանուր հնդեվրոպականից դեպի գրաբարը զարգացման մեջ տարբերակել ժամանակագրական հետևյալ շերտերը՝ հնդ-իրանա-հունա-հայկական բարբառային ընդհանրության դարաշրջան. ինթա-լուվիական (անատոլիական), հնդեվրոպական և հյուսիսկովկասյան (այդ թվում խաթական և խուտի-ուրարտական) լեզուների հետ նշված ընդհանրությունից անջատված նախահայերենի ունեցած շփումների շրջան. վաղ իրանական փոխառությունների դարաշրջան: Վահագնի երգի առասպելաբանաստեղծական տեքստի կառուցվածքում կարելի է առանձնացնել այս փուլերից յուրաքանչյուրին համապատասխանող ժամանակագրական տարբեր շերտեր: Ամենահինը՝ անագրամաներ կազմող կրկնվող ձայնական հաջորդականությունների և համապատասխան իմաստների միջև եղած փոխհարաբերությունների հիմնական կմախքն է, որ համապատասխանում է հնդեվրոպական պոետիկայի սկզբունքներին: Անագրամաներն անցնում են բոլոր տողերի միջով՝ տեքստը դարձնելով մեկ ամբողջություն: Նախահայերենը հնդ-իրանա-հունական պոետիկական տրադիցիայի հետ միավորող վաղ շրջանին է վերաբերում երկին-երկիր-երկնք բառերի մեջ եղած *dʷ->*rkʷ->erk- անագրամային կապը: Ինթա-լուվիական-նախահայկական շփումների շրջանին կարող է վերաբերել Վահագնի մորուքի պատկերը: Աջ-ակունքից եզրափակիչ պատկերը ընդհանուր հնդեվրոպական արմատներ ունի: Երգը պահպանել է ընդհանուր հնդեվրոպական պոետիկայի գծերը:

⁷⁴ См. там же. с. 198 след.

⁷⁵ M. L. West. Indo-European metre.